

Полковая „Исторіографія“.

I.

Въ началѣ нынѣшняго года на страницахъ «Русскаго Инвалида» совершился весьма оживленный обмѣнъ мнѣній относительно составленія исторій войсковыхъ частей. Видимо этотъ вопросъ наболѣлъ и стремится настойчиво къ правильному разрѣшенію. Въ особенности живо затронула этотъ вопросъ статья г. А. З. Мышлаевскаго, который коснулся положенія офицеровъ, назначаемыхъ составителями полковыхъ исторій. Не буду касаться теперь этого положенія, вполне уже выясненнаго во всѣхъ статьяхъ, написанныхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ».

Могу только подтвердить, самъ лично испытавъ это положеніе, что дѣйствительно оно до сихъ поръ весьма печально. И печально оно, главнымъ образомъ, потому, что составители исторій не имѣютъ никакой опредѣленной программы, не знаютъ, какъ имъ и приступить, и продолжить, и закончить ту задачу, которая имъ предложена. Во время дню, много лѣтъ тому назадъ, и я былъ возведенъ въ почтенный рангъ «исторіографа» и теперь, при чтеніи статьи г. Мышлаевскаго, передо мной живо воскресло то время, когда и я, какъ онъ говоритъ, «пожаловалъ въ архивъ въ качествѣ лица, дѣвственно-невиннаго въ предстоящей работѣ», окрыленный лишь страстнымъ желаніемъ работать и ставшій на первыхъ же шагахъ въ тупикъ при вопросѣ: съ чего же начать? И то нужно, и это необходимо и многое, многое нужно просмотрѣть и записать, а времени не хватаетъ; чувствуешь, что не хватаетъ и на то, что дѣйствительно необходимо прочитать и просмотрѣть на спеціальную пользу исторій полка, а тутъ еще нужно рѣшать вопросъ:

гдѣ же я возьму, откуда выкопаю то, что мнѣ именно нужно. На вопросъ «гдѣ» мнѣ указали на дверь архива, и при первомъ знакомствѣ, по крайней мѣрѣ, съ архивомъ «общимъ», я почувствовалъ только, что голова у меня кружится, волосы становятся дыбомъ, а сердце сжимается отъ тоскливаго чувства полной безпомощности, при видѣ той подавляющей массы пыльных «дѣлъ» которыя стройными рядами покоились на безчисленныхъ полкахъ, рядъ надъ рядомъ вздымающихся отъ пола нижняго этажа главнаго отдѣленія общаго архива—до верхушки купола надъ главнымъ штабомъ, т. е. ни болѣе, ни менѣе, какъ на высоту слишкомъ четырехъ этажей крупнаго размѣра. Я былъ въ дремучемъ лѣсу безъ компаса.

А произошло это потому, что я попалъ въ рангъ историографа совершенно экспромтомъ. Сегодня я еще ничего не подозрѣвалъ, а на завтра получаю предписаніе отправиться въ архивы разыскивать матеріалы для исторіи полка, которую, къ тому же, нужно во что бы то ни стало написать и напечатать непременно къ извѣстному сроку, къ извѣстному дню, въ который исполняется ровное, круглое число лѣтъ извѣстнаго, важнаго для полка, событія. И вотъ я, безъ руля и безъ вѣтриль, долженъ былъ отплыть въ безбрежный океанъ открывать своего рода Америку.

Выборъ начальства, отвѣчу я г. Мышлаевскому на заинтересовавшій его вопросъ, палъ на меня, вѣроятно, потому, что бывалъ я и въ академіи, а раньше даже коснулся университета, писалъ достаточно логически служебныя бумаги и доклады, упражнялся въ «пробѣ пера» и въ печати. Но всего этого, какъ говорить и г. Мышлаевскій, слишкомъ еще мало, чтобы приняться и закончить такой серьезный трудъ, какъ историческое изслѣдованіе по матеріаламъ, которые слѣдовало еще отыскать, притомъ въ различныхъ пунктахъ, помимо общаго архива, который, между прочимъ, и самъ-то разбросанъ тоже въ нѣсколькихъ пунктахъ. Слишкомъ мало времени для работы подготовительной, слишкомъ мало и для исполнительной. И результатъ такой спѣшной работы вполне понятенъ: исторія скомкана, матеріалы или бросаются въ печать сырымъ, въ необработанномъ видѣ, или же и весьма можетъ быть важныя, невозвратно и безслѣдно пропадаютъ потому, что во-время не попадаютъ подъ руку, а разъ отбылъ въ архивъ опредѣленный срокъ, больше уже въ него доступа нѣтъ. Г. Мышлаевскій въ своей статьѣ указываетъ, что ему ежегодно приходится созерцать работу 10—15 полковыхъ историографовъ,

большинство которыхъ, по смыслу дальнѣйшаго изложенія статьи, ходять въ потьмахъ, ощупью, не зная, за что и какъ приняться, тратя непроизводительно драгоценное время. Но г. Мышлаевскій, по его словамъ, «созерцалъ только со стороны», заинтересовавшись предметомъ, такъ сказать, мимоходомъ. И то онъ говоритъ: «трудно проникнуть въ душевное настроеніе полковаго историка, но я увѣренъ, что если бы вновь понадобилось возстановить старинныя истязанія, то въ число сильнѣйшихъ нравственныхъ мукъ полезно было бы включить также и нарядъ офицера приказомъ по полку въ полковые историки, срокомъ на шесть мѣсяцевъ». Г. Мышлаевскій въ дѣлѣ составленія полковыхъ исторій не заинтересованъ, но ему вчужь жаль смотрѣть на этихъ ревностныхъ тружениковъ—мучениковъ, которымъ на каждомъ шагѣ ставятся различныя барьеры, вчужь казнится ихъ казнью и, главнымъ образомъ, какъ я понималъ, потому, что все это большею частью, хотя и ревностныя, но мученики поневолѣ, притомъ неподготовленные къ той работѣ, на которую они обречены, совершенно съ ней не знакомые. И заинтересованный этимъ хроническимъ явленіемъ, г. Мышлаевскій дѣлится съ читателемъ результатами своихъ наблюденій, заканчивая ихъ весьма поучительной инструкціей, направленной по адресу «господь командировъ полковъ».

Я самъ теперь имѣю честь командовать полкомъ и, не найдя его исторіи, естественно возымѣлъ желаніе пополнить этотъ пробѣлъ, приступить къ ея составленію. Для осуществленія этой цѣли я призналъ полезнымъ избрать нѣсколькихъ офицеровъ, которые могли разобраться, подъ моимъ руководствомъ, въ матеріалахъ, печатанныхъ и писанныхъ, имѣющихся на мѣстѣ въ полку, въ библиотекѣ и въ дѣлахъ полковаго архива. Кромѣ того, бывши самъ уже въ архивной передѣлкѣ, я счелъ нужнымъ составить для того офицера, который будетъ командированъ въ архивы главнаго штаба, на основаніи своего личнаго опыта, инструкцію для его тамошнихъ занятій, въ облегченіе его будущихъ трудовъ и для избѣжанія напрасной траты времени. Подъ впечатлѣніемъ же замѣтки г. Мышлаевскаго, коснувшагося вопроса о полковыхъ «историографахъ» лишь такъ сказать, съ внѣшней стороны, я считаю необходимымъ поговорить на эту тему болѣе подробно и взглянуть на этотъ вопросъ глубже, полагая, что мой взглядъ на положеніе и состояніе нашей историографіи не останется безслѣднымъ для пользы дѣла.

II.

Начало нашей полковой «исторіографіи» въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, положено сравнительно недавно, всего не болѣе 20-ти лѣтъ, а первый officialный документъ, касавшійся полковыхъ исторій и поставившій ихъ на officialный путь, изданъ былъ всего 18 лѣтъ. Это былъ циркуляръ главнаго штаба 9-го декабря 1882 года, № 276. Инициатива же и сильный толчекъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру III.

И до тѣхъ поръ, какъ справедливо говорить г. Бобровскій, выходили въ свѣтъ исторіи полковъ, преимущественно гвардейскихъ. Но это были случаи единичные, явленія чисто случайныя и зависѣвшія исключительно отъ частной инициативы. Всегда были, есть и будутъ въ полкахъ офицеры-наблюдатели современной имъ жизни, заносящіе въ часы досуга свои впечатлѣнія въ дневники, замѣтки, мемуары и т. п. Нѣкоторые, не довольствуясь жизнью современною, заносили въ свои лѣтописи рассказы старшихъ товарищей о минувшихъ временахъ полка, а въ концѣ концовъ у нихъ проявлялась охота покопаться и въ другихъ матеріалахъ, касающихся исторіи и жизни полка. И результатомъ появлялась исторія полка. Дѣло, конечно, дѣлалось исподволь, потихоньку, не спѣша, въ зависимости отъ свободнаго для этого времени, но съ любовью и охотою. Никто ихъ не торопилъ, да мало, пожалуй, кто и зналъ изъ начальствующихъ лицъ, что человекъ занимается себѣ литературнымъ трудомъ, а кто и зналъ, — смотрѣлъ на это, какъ на забаву, на развлеченіе. Да во времена дны литературные труды и не особенно начальствомъ поощрялись. Большинство, можно сказать, смотрѣло на это косо, какъ на занятія, идущія во вредъ службѣ. Средствъ, конечно, на изданіе полковой исторіи въ полку не имѣлось. Отъ казны ничего не отпускалось, а полковья употреблялись на предметы болѣе существенныя, чѣмъ исторія полка, не имѣвшая въ глазахъ начальства никакой officialной заслуги, которая могла бы обратить на полкъ благосклонное вниманіе свыше.

И вотъ, впервые на важность и серьезное значеніе полковыхъ лѣтописей обращено было вниманіе покойнаго Государя Але-

ксандра Александровича. Будучи еще наслѣдникомъ и командиромъ Гвардейскаго корпуса, Онъ тотчасъ послѣ Турецкой войны выразилъ свое непремѣнное желаніе, чтобы въ частяхъ корпуса было приступлено къ составленію подробной хроники войны на память и поученіе потомкамъ. Отъ хроники войны Его взглядъ перешелъ и вообще на составленіе полковыхъ исторій. Зная же, что дѣло это сопряжено съ большими денежными затратами, Государь выступилъ и съ матеріальной помощью, повелѣвъ ассигновать известную сумму, какъ для обезпеченія матеріальнаго положенія исторіографовъ, такъ и для пособія полкамъ на изданіе составленной и одобренной исторіи. Для поощренія же самихъ составителей въ ихъ трудахъ предоставилъ въ ихъ полную собственность всѣ деньги, которыя могли быть получены отъ продажи экземпляровъ изданной ими исторіи полка. Голось, раздавшійся съ такой высоты, сразу измѣнилъ положеніе дѣла. Теперь уже, полковая исторія стала на ряду съ другими служебными предметами, обращающими на себя вниманіе. Вопросъ о полковыхъ исторіяхъ сталъ, такъ сказать, вопросомъ моднымъ, соблазнительнымъ, представлявшимъ случай отличиться. И вотъ со всѣхъ концовъ Россіи, какъ муравьи, поползли труженики исторіи по направленію къ главному штабу, который на первыхъ порахъ не зналъ даже, какъ съ ними и поступать, пока дѣло, наконецъ, не урегулировалось.

Упомянутымъ выше циркуляромъ главнаго штаба 1882 года, № 276, обезпечивалось матеріальное положеніе исторіографовъ, опредѣлена сумма пособія полкамъ на изданіе исторій, но и только, если не считать немногихъ указаній на соотвѣтственный выборъ офицеровъ избираемыхъ для командировки въ архивы главнаго штаба и на то, что на такія командировки своихъ офицеровъ полки имѣютъ право одинъ только разъ въ своей жизни и то лишь не больше, какъ на шесть мѣсяцевъ. Но всѣ эти указанія носятъ на себѣ какой то отпечатокъ чисто-хозяйственныхъ соображеній, отпечатокъ какого то опасенія, какъ бы не было слишкомъ много напрасно израсходовано на этотъ предметъ денегъ. Что же касается сущности самаго дѣла, работы исторіографа въ архивахъ, программы его дѣйствій—всего этого онъ нигдѣ найти, къ сожалѣнію, не можетъ. И онъ бродитъ какъ въ лѣсу, непроизводительно тратя время, а съ тѣмъ вмѣстѣ непроизводительно расходуя на себя и тѣ деньги, которыя главный штабъ отпускаетъ ему, въ видѣ суточныхъ, на основаніи циркуляра. И такъ идетъ вотъ уже 18 лѣтъ.

А г. Мышлаевскій говоритъ, что онъ ежегодно видитъ по 10—15 исторіографовъ, большое количество времени тратящихъ въ архивахъ непроизводительно.

Происходитъ же это вслѣдствіе того, что у офицера, приставленнаго къ этому тяжелому труду, нѣтъ никакой руководящей нити ни въ началѣ его дѣятельности, дома и въ полку, ни въ архивахъ, гдѣ поздно уже заниматься какими-нибудь подготовительными работами, составленіемъ плана дѣйствій. Дома ему некому давать въ руки этой нити. Ему говорятъ только: «пиши исторію, а какъ — это твое дѣло. Собери все, что найдешь здѣсь подходящаго (а что подходящее, что неподходящее — разбирай самъ), а самое главное, скорѣй поѣзжай въ архивъ — тамъ матеріала не оберешься. Выкопай тамъ все, да скорѣй принимайся за работу — скоро юбилей». Если бы господа командиры полковъ сами лично дали себѣ трудъ ознакомиться съ дѣломъ составленія исторіи и съ архивами, то врядъ ли они отдали бы такое жестокое приказаніе. Легко сказать: тамъ въ архивахъ много матеріаловъ, ищите и обрящете. Да вѣдь это все равно, что сказать — и совершенно впрочемъ основательно, — что въ землѣ масса кладовъ лежитъ, стоитъ только найти.

Въ архивахъ... г. Мышлаевскій совершенно правильно охарактеризовалъ помощь архивовъ. Она ограничивается, говоритъ онъ, «любезнымъ открываніемъ своихъ дверей», при не менѣе любезныхъ словахъ: «милости просимъ, можете работать ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 3 час. дня, какъ вамъ будетъ угодно». Это было 18 лѣтъ тому назадъ, это же совершается и теперь.

Да и архивы здѣсь, собственно говоря, не причемъ. Кромѣ этихъ любезныхъ словъ они и сказать ничего не въ состояніи. Спасибо и на этомъ. «Причемъ» здѣсь — руководство дѣломъ. Въ отсутствіи его и заключается корень злоключеній и нравственныхъ пытокъ «исторіографовъ», какъ въ архивахъ, такъ равно и дома, во время подготовительныхъ работъ. Нужно выработать хотя какую-нибудь норму, хотя какую-нибудь программу полковой исторіи, схему, канву, по которой взявшій на себя трудъ составлять исторію, могъ бы вышивать узоры, соответственные данному полку.

Настаиваю на необходимости общей программы потому, что это, во 1-хъ, облегчитъ самый приступъ къ работѣ и дальнѣйшую работу, во 2-хъ, поможетъ быстрѣе ориентироваться въ матеріалахъ, въ особенности при подготовительныхъ работахъ дома. Домашняя работа — это основаніе всей работы. Нѣтъ никакой надоб-

ности поскорѣй стремиться въ архивы до тѣхъ поръ, пока не втянулся въ работу основательно. Въ 3-хъ, наконецъ, общая, нормальная програма дастъ возможность объединить всѣ многообразные взгляды на исторію полка, потому что програма эта установитъ извѣстныя требованія отъ исторіи полка. А этихъ то вотъ общихъ требованій до сихъ поръ и нѣтъ. Одинъ, на примѣръ, держится того взгляда, что полковая исторія должна заключаться специально въ восхваленіи славы и подвиговъ полка и офицера, пишущій исторію, усердно налегаетъ на эту сторону. И если онъ владѣетъ краснорѣчивымъ перомъ, то исторія выходитъ очень занимательная, а тѣмъ болѣе для лицъ въ томъ заинтересованныхъ, потому что полкъ вездѣ на первомъ планѣ, вездѣ отличается и все это при помощи трескучихъ иногда фразъ, подсыпанныхъ во время и къ мѣсту. Но совершенно другое впечатлѣніе производитъ чтеніе такой исторіи на человѣка, неприкосновеннаго къ дѣлу, но которому почему-либо нужно узнать подробности извѣстнаго сраженія, скрывшіяся въ общемъ описаніи войны или даже того же сраженія. Благодаря усердію исторіографа выставитъ свой полкъ въ лучшемъ видѣ, не жалѣя красокъ, выйдетъ, что будто этотъ полкъ игралъ самую первую, самую главную роль въ бою, даже чуть не онъ одинъ и былъ во всѣхъ бояхъ, не онъ одинъ покорялъ весь міръ, а остальные... остальные тоже что-то тамъ дѣлали, но это собственно вещь второстепенная, потому что не будь «нашихъ» героев-молодцовъ — все погибло бы. Это ужъ явится излишней утрировкой, для исторіи не идущей. Исторія должна быть прежде всего правдива, спокойна, безъ лишнихъ трескучихъ, громкихъ фразъ, которыя полку, повѣрьте, лишнихъ лавровъ въ побѣдныя вѣнки не влетутъ. Напротивъ, сказанныя человѣкомъ, въ имени полка заинтересованнымъ, они скорѣе могутъ произвести обратное впечатлѣніе, возбудить даже нѣкоторое сомнѣніе, потому что вѣдь исторія рядомъ сражавшагося полка тоже свидѣтельствуетъ, что этотъ послѣдній тоже былъ главнымъ героемъ... Я полагаю, что описаніе дѣйствій своего полка должно обязательно идти попутно съ описаніемъ дѣйствій и сосѣднихъ по бою частей войскъ и совершенно въ равной мѣрѣ и степени. Правдивое, безпристрастное изложеніе этихъ дѣйствій само собой дастъ читателю возможность правильно разобраться въ сомнительныхъ случаяхъ. И если полкъ дѣйствительно чѣмъ-либо отличился, то это отличіе само собою засіяетъ брилліантомъ, безъ помощи краснорѣчія исторіографа. И

лучше пусть насъ другіе похвалятъ, чѣмъ самимъ стараться захватывать себя. Цѣна другая.

Иные предъявляютъ къ исторіи полка требованіе, чтобы, помимо боевыхъ подвиговъ, была достаточно сильно обрисована и внутренняя, бытовая сторона жизни полка, внутренняя его дѣятельность. Это справедливое требованіе даетъ историку уже болѣе трудную работу, ибо несравненно легче написать исторію, какъ выражается г. Мышлаевскій, съ помощью компромисса № 2, «по Богдановичу», дополненному, при мало-мальски усердномъ трудѣ, свѣдѣніями, почерпнутыми изъ дѣлъ военно-ученаго архива, чѣмъ искать клада по части внутренней жизни въ дебряхъ общаго архива. Въ военно-ученомъ архивѣ клада искать не приходится, онъ самъ дается въ руки, — конечно, спѣшу оговориться, тому, кто знаетъ, какъ, и гдѣ, и что именно искать, а это дается только тому, кто основательно подготовился дома. Въ военно-ученомъ архивѣ всегда все въ полномъ порядкѣ, все лежитъ на своемъ мѣстѣ, чистота, уютность и тишина, располагающія къ занятіямъ. Дѣла не въ разгонѣ. По окончаніи дневныхъ занятій все опять укладывается по своимъ мѣстамъ и придя завтра, вы спокойно принимаетесь за работу съ той точки, на которой остановились вчера. Слѣдовательно, если у васъ имѣется канва, приготовленная дома, то вамъ остается только, для воспроизведенія полнаго рисунка, заполнить оставшіяся пустыми клѣточки. Словомъ, тамъ вы получаете кладъ въ видѣ чистаго золота, которое остается только обработать, перелить въ желаемую вами форму, по вашему вкусу и умѣнью.

Не та работа въ архивѣ общемъ. По самой сущности занятій всего персонала служащихъ въ немъ — занятій справочныхъ, — вся эта необъятная громада дѣлъ находится въ вѣчномъ движеніи, десятки, сотни дѣлъ вынимаются съ своихъ мѣстъ и разносятся по многимъ комнатамъ, по безчисленнымъ столамъ, для извлеченія изъ нихъ нужныхъ справокъ; иногда и продолжительное время дѣло лежитъ на столѣ у того, кто по нему работаетъ, до минованія въ немъ надобности. И дѣйствительно, можетъ случиться, что нужное вамъ дѣло не находится на своемъ мѣстѣ на полкѣ, а гдѣ именно оно, пожалуй и трудно сказать: столовъ и комнатъ много. Но съ этимъ нужно мириться и считаться. Явленіе это совершенно естественное и сюрпризомъ его назвать никакъ нельзя, ибо оно вытекаетъ прямо изъ служебныхъ обязанностей служебнаго персонала архива. Сказать и то: вѣдь можетъ же случиться, что одно и то же дѣло понадобится вдругъ сразу нѣсколь-

кимъ исторіографамъ, вѣдь придется ожидать и навѣрно никому не придетъ въ голову сѣтовать на это. За что же сѣтовать на людей, исполняющихъ свою спеціальную службу? Нельзя же вѣдь остановить всю дѣятельность архива только потому, что его матеріалами желаетъ пользоваться составитель исторіи какого-нибудь полка, и чтобы начальникъ архива бросилъ свою спѣшную служебную работу потому, что дѣло, по которому онъ дѣлаетъ экстренную справку, понадобилось почему то сейчасъ исторіографу. Это была бы уже черезчуръ большая претензія со стороны послѣдняго. Для него не должно существовать словъ: «сейчасъ» и «немедленно». Они должны быть замѣнены однимъ словомъ: «терпѣніе». Терпѣніе — это качество, которымъ безусловно долженъ обладать или заблаговременно имъ заpastись въ достаточномъ количествѣ всякій исторіографъ. «Сейчасъ» въ архивахъ нужно пользоваться тѣмъ, что сейчасъ свободно, имѣется на лицо. Сущность архивной работы вовсе не ставитъ вѣдь въ обязательное условіе хронологическаго занесенія въ книжку встрѣчающихся матеріаловъ. Хронологія и систематизація матеріаловъ — дѣло домашнее. Я не говорю, что работа должна вестись безъ всякой системы, что нужно записывать все, что попадетъ подъ руку изъ числа нужныхъ матеріаловъ. Система быть должна, конечно, но не въ мелочахъ, а въ общемъ распредѣленіи хода работы, въ послѣдовательности работы по группамъ дѣлъ, такъ какъ для правильности работы и большей ея успѣшности необходимо бываетъ иногда просмотрѣть сначала одну группу дѣлъ, а затѣмъ уже другую, матеріалы изъ которой подбираются на основаніи матеріаловъ первой. Такъ, напримѣръ, формулярные списки чиновъ полка должны быть просмотрѣны раньше, чѣмъ приступить къ дѣламъ, въ которыхъ могутъ быть матеріалы для описанія боевыхъ дѣйствій полка, такъ какъ въ спискахъ совершенно точно указано, въ какихъ и когда именно полкъ участвовалъ походахъ и дѣлахъ. Зная это, исторіографъ безошибочно можетъ требовать именно тѣ дѣла, какія ему нужны. Объ этомъ я подробно буду говорить ниже. Теперь же скажу еще, что и при встрѣчѣ исторіографа съ такого рода «барьерами», какъ отсутствіе на полкѣ архива нужнаго дѣла, взять этотъ барьеръ, въ большинствѣ случаевъ, можно очень удобно при нѣкоторой сноровкѣ и умѣнью обходиться съ людьми. Какъ ни несимпатиченъ типъ «архивныхъ дѣлъ мастера» въ смыслѣ эксплуатаціи имъ исторіографовъ, однако же, я долженъ сказать нѣсколько словъ и въ его оправданіе. Вѣдь

кто же создалъ его? создали сами же гг. историографы, тѣ по крайней мѣрѣ, которые въ средствахъ не стѣснялись, а возня съ грудой пыльных дѣлъ, къ которымъ они и приступиться не умѣли, представлялась имъ очень непривлекательной и, наконецъ, тѣ, которые прослыли людьми, «проводящими въ городѣ С.-Петербургѣ время празднo въ веселостяхъ», какъ о комъ то и откуда то цитируетъ въ своей замѣткѣ г. Мышлаевскій. Ловкіе люди вездѣ есть. Смекнулъ человѣкъ, чѣмъ и какъ онъ можетъ зашибить копѣйку при первыхъ двухъ-трехъ опытахъ, онъ ужъ на четвертый разъ смѣло предлагаетъ свои услуги и даетъ такія основательныя доказательства знанія своего дѣла, что по неволѣ внушаетъ къ себѣ довѣріе и — новый клиентъ у него вполнѣ въ рукахъ. Еще бы! «мастеръ дѣлъ архивныхъ» представляетъ документъ за документомъ именно нужные его клиенту и убѣждаетъ этого все больше и больше, что онъ на «мастера» вполнѣ можетъ положиться... и полагается, не давая иногда себѣ труда заняться дѣломъ самостоятельно или, по крайней мѣрѣ, провѣрить данныя ему матеріалы. Результаты понятны. Мнѣ лично удалось обойтись безъ услугъ такого «мастера», къ великому его негодованію. Тѣмъ не менѣе, я все-таки скажу, что такой человѣкъ драгоцененъ при архивной работѣ. Помилуйте, онъ 20—25 лѣтъ сидитъ въ архивѣ, онъ знаетъ гдѣ, на какомъ мѣстѣ въ дѣлѣ какое пятнышко сдѣлано, знаетъ всѣ ходы и выходы, знаетъ, у кого какое дѣло въ данную минуту можетъ находиться, а коли знаетъ, такъ во-время и достать можетъ. Словомъ, безъ знающаго человѣка въ архивѣ работать довольно трудно, имѣя въ своемъ распоряженіи слишкомъ мало времени. Но только нужно умѣючи управлять такимъ человѣкомъ, въ томъ смыслѣ, чтобы онъ давалъ то, что отъ него требуютъ, а не заставлялъ васъ довольствоваться тѣмъ, что онъ считаетъ нужнымъ предложить.

А благодарность за трудъ, подѣ какимъ бы она названіемъ ни числилась по номенклатурѣ, конечно, быть должна. Вы платите ему за его знаніе архива и его порядковъ, съ которыми вы сами не знакомы, а это знаніе доставляетъ вамъ возможность въ скорѣйшее время имѣть подѣ руками необходимый матеріалъ. И нѣкоторая сумма на расходы подобнаго рода необходимо должна находиться въ распоряженіи составителя исторіи.

Трудна работа въ общемъ архивѣ еще и потому, что добываемыя тамъ матеріалы представляютъ собою кладъ... нѣтъ, даже не кладъ, а руду, надѣ которой много еще надо потрудиться, чтобы

очистить ее отъ всѣхъ примѣсей. Обработку этой руды, конечно, необходимо оставить до возвращенія въ полкъ, но вотъ нагруженіе этимъ необработаннымъ продуктомъ своего историческаго багажа представляетъ собою дѣло весьма утомительное. Поэтому совѣтъ г. Мышлаевскаго командировать съ историографомъ одного-двухъ (и дѣйствительно лучше двухъ) соотвѣтственныхъ писарей весьма практиченъ. На это, конечно, возможно возраженіе: «откуда ихъ взять, писарей? въ канцеляріи такая масса работы, что и съ казенной не управишься, а тутъ дай двухъ, да еще хорошихъ, а ихъ во всей канцеляріи всего и есть два хорошихъ, остальные полуграмотные». Вѣрно, что говорить, положеніе безотрадное и въ канцеляріи, но — не только свѣта, что въ окошкѣ. И, пожалуй, если поискать хорошенько, такъ найдутся люди и помимо канцеляріи. Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, но облегченіе историка, избавленіе его отъ черной работы является вопросомъ необходимости во все время его работъ по исторіи.

Еще нѣсколько словъ о необходимости одной общей, нормальной программы для полковой исторіи. Для окончательнаго рѣшенія этого вопроса, мнѣ кажется, стоитъ только дать отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: «что такое полковая исторія? въ чемъ должна заключаться ея сущность? какая ея цѣль и задача?»

Попробуемъ это сдѣлать, высказавши на это свой личный взглядъ.

Уже по первому взгляду на эти вопросы, отвѣтъ на нихъ является самъ собою. Исторія полка есть маленькая часть исторіи всей русской арміи, какъ самъ полкъ есть мелкая часть одного большого стройнаго цѣлаго, живущаго, развивающагося, дѣйствующаго по одному общему закону, по одному общему плану, по одному общему масштабу. Слѣдя за развитіемъ жизни всей арміи, мы разсматриваемъ отдѣльно всѣ элементы, изъ которыхъ слагается эта жизнь. Мы разсматриваемъ организацію арміи, ея числительность, комплектованіе, вооруженіе, разсматриваемъ составъ ея во всѣхъ отношеніяхъ, разбираемъ службу и условія ея, обстановку жизни, довольствіе всякаго рода и т. д. и т. д. Чѣмъ съ большихъ сторонъ освѣщается жизнь арміи, тѣмъ полнѣе получается о ней представленіе, тѣмъ и она, и проявленія ея намъ будутъ понятнѣе.

Не того же ли самаго мы должны требовать и отъ исторіи каждой отдѣльной части этой арміи? Не тѣ же ли самыя элементы жизни мы должны разсмотрѣть и въ каждомъ полку. Разница

только въ одномъ: исторія всей арміи даетъ намъ представленіе о жизни и дѣятельности ея въ общихъ чертахъ, исторія отдѣльной части должна давать намъ подробности. А соединеніе всѣхъ полковыхъ исторій должно давать полную и подробную исторію арміи во всѣхъ мелочахъ и частныхъ проявленіяхъ жизни и обстановки.

Но для удовлетворенія этому необходимо, чтобы планъ *полковой* исторіи былъ *согласованъ* съ планомъ исторіи *общей* или же вообще планъ полковой исторіи долженъ быть одинъ для всѣхъ. Тогда естественно сама собою будетъ достигнута и стройность и полнота исторіи и гармонія между ея частями. Кромѣ того явится возможность при сравненіи жизни двухъ, положимъ, полковъ выяснить причины того или другого явленія, зависѣвшаго отъ особенностей жизни каждой части, выяснить, насколько общій законъ, касающійся всѣхъ частей, отразился на жизни каждой части въ зависимости отъ мѣстныхъ, такъ сказать, условій, что для изслѣдователя жизни арміи въ извѣстный періодъ представляетъ глубокой интересъ. Мало знать общее распоряженіе, идущее сверху, — необходимо прослѣдить и тѣ мотивы, на основаніи которыхъ оно появилось. При сравненіи исторій нѣсколькихъ отдѣльных частей, мы невольно наталкиваемся на какія-либо общія уклоненія отъ общей данной нормы и это даетъ намъ указаніе на ту причину, которая заставила измѣнить самую норму.

Попытаюсь теперь намѣтить проектъ программы по своему личному взгляду, а вмѣстѣ съ тѣмъ изложить и порядокъ работъ для составленія исторіи полка и собиранія для нея матеріаловъ, съ указаніемъ, отъ кого и откуда составитель можетъ получить и облегченіе и помощь.

III.

Работа по исторіи полка распадается по существу на три главные отдѣла: 1) отдѣлъ подготовительный; 2) работа въ архивахъ главнаго штаба, а вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, и въ другихъ мѣстахъ Петербурга и Москвы, гдѣ можетъ подозрѣваться присутствіе нужныхъ матеріаловъ (архивы внѣ главнаго штаба, Публичная бібліотека и т. п.), и 3) обработка матеріаловъ, т. е. самое составленіе исторіи.

Само собой разумѣется, первое условіе для успѣха работы —

это ея неспѣшность, отсутствіе заказа на срокъ или въ лучшемъ случаѣ, срокъ этотъ долженъ быть продолжительный.

При наличности программы, плана исторіи, который, надѣюсь, въ концѣ концовъ, все-таки выработается, приступъ къ работѣ значительно облегчается. Но и въ этомъ случаѣ я, все-таки, совѣтовалъ бы начать работу съ ознакомленія съ другими полковыми исторіями, перечитать ихъ нѣсколько экземпляровъ. Это дастъ извѣстный критерій. Невольно получится извѣстный взглядъ на исторію и составитъ болѣе или менѣе опредѣленный свой собственный. Обладающему иностранными языками весьма полезно, для полноты, ознакомиться съ полковыми исторіями иностранныхъ армій. Совѣтовалъ бы обратить вниманіе на нѣмецкія. Для полной же гарантіи въ отношеніи достоинства можно, при помощи главнаго штаба, — въ чемъ онъ навѣрное не откажетъ — обратиться за рекомендаціей соотвѣтственной исторіи въ иностранный главный штабъ. Не бѣда, если знаніе иностраннаго языка ограничивается полученнымъ въ корпусѣ или гимназій. Напротивъ, получится превеликая двойная польза: при переводѣ такой исторіи, во 1-хъ, невольно является необходимость проштудировать ее основательно, а во 2-хъ, послѣ перевода книги, получится тоже невольно обширное знаніе языка.

Чтеніе русскихъ полковыхъ исторій попутно дастъ и цѣлый списокъ матеріаловъ, нужныхъ для исторіи своего полка, въ особенности, если читается исторія полка, близкаго къ своему, одной дивизіи, одного корпуса или даже и разныхъ, но почему-либо дѣйствовавшего или жившаго въ свое время по близости.

Первое слѣдствіе этого — составленіе списка тѣхъ сочиненій, на которыя сдѣланы ссылки и которыя необходимо прочесть еще дома. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ найтись въ полковой бібліотекѣ, другія въ бібліотекахъ другихъ частей, находящихся по близости. Отсюда — необходимость обмѣна между частями войскъ каталогами ихъ бібліотекъ.

Нужно перечитать дома все печатное, относящееся въ томъ или другомъ смыслѣ къ полку и находящееся въ ближайшихъ окрестностяхъ расположенія полка. Чтеніе это само по себѣ расширяетъ кругозоръ и даетъ указанія на дальнѣйшіе матеріалы.

Но кромѣ ближайшихъ бібліотекъ есть много другихъ книгохранилищъ казенныхъ, въ которыхъ имѣются сочиненія военнаго характера. Въ этомъ отношеніи главный штабъ могъ бы оказать войсковымъ частямъ громадную помощь, снабдивъ ихъ катало-

гами такихъ книгохранилищъ. Говорю про главный штабъ потому, что въ немъ сосредоточены всѣ свѣдѣнія подобнаго рода; каждой же отдѣльной войсковой части трудно знать, гдѣ что находится. Можетъ случиться, въ особенности въ большихъ центрахъ, что необходимое сочиненіе находится у меня за стѣной, въ библиотекѣ, положимъ, окружного штаба, а я не знаю о такомъ близкомъ со-сѣдствѣ. Ну, допустимъ, что въ этомъ случаѣ я самъ поинтересуюсь, справлюсь; а если я живу въ сосѣднемъ городѣ? Значитъ нужно ѣхать на авось, терять время, въ надеждѣ, что *случайно* какъ-нибудь узнаю, что гдѣ-нибудь можно достать нужный материалъ. Руководитель же главнаго штаба укажетъ мнѣ безошибочный путь. Съ такимъ руководителемъ я даже имѣю возможность составить себѣ маршрутъ своего движенія по необходимымъ книгохранилищамъ и, стало быть, могу много выиграть во времени.

Заговоривъ о помощи главнаго штаба въ отношеніи печатныхъ сочиненій, я долженъ за одно коснуться здѣсь и его помощи вообще — и не только полковымъ исторіографамъ, но и всѣмъ изслѣдователямъ военной исторіи—помощи, которую отъ него можно бы ожидать. Имѣю въ виду отпечатаніе каталога всѣмъ дѣламъ, имѣющимся въ архивѣ военно-ученомъ¹⁾. Я не заикаюсь объ архивѣ общемъ по той массѣ дѣлъ, которыя въ немъ хранятся, не заикаюсь еще и потому, что опять-таки дѣла общаго архива находятся по временамъ тоже въ передвиженіи изъ одного мѣста въ другое. Конечно, и тутъ можно было бы многими средствами и способами придти на помощь всѣмъ, имѣющимъ надобность въ архивныхъ материалахъ. Но всего не перечтешь, что можно было бы сдѣлать. Можно высказать только желаніе, чтобы на этотъ предметъ обращено было достаточное вниманіе, съ цѣлью упорядочить вообще наше архивное дѣло и пользованіе архивами.

Обратимся къ дальнѣйшимъ работамъ полковаго исторіографа у себя дома и въ окрестностяхъ, до его поѣздки въ Петербургъ и Москву.

Многіе, увлекаясь внѣшней дѣятельностью полка, боевыми его подвигами, слишкомъ мало обращаютъ вниманіе на его внутреннюю дѣятельность, на бытовую сторону жизни или же если и описываютъ ее, то обыкновенно со словъ современниковъ, если таковые что-либо оставили въ своихъ воспоминаніяхъ. Но въ томъ

¹⁾ Каталогъ Военно-ученаго Архива Главнаго Штаба напечатанъ въ VII выпускѣхъ, изъ коихъ I вышелъ въ 1886 г., а VII—въ 1895 году.

то и дѣло, что такія воспоминанія могутъ быть, могутъ и не быть. А если ихъ нѣтъ, то стало быть цѣлая эпоха можетъ остаться безъ освѣщенія. А между тѣмъ, подъ бокомъ, подъ руками имѣется масса матеріаловъ, могущихъ освѣтить эту внутреннюю полковую жизнь. Матеріалы эти хранятся, если и не за все, то за болѣе или менѣе продолжительное время, въ полковомъ архивѣ. Этотъ источникъ стоитъ того, чтобы имъ заняться основательно. До поѣздки въ Петербургъ все, имѣющееся въ полковомъ архивѣ, должно быть тщательно пересмотрѣно.

Къ слову сказать, архивное дѣло въ полкахъ въ большинствѣ случаевъ, находится въ положеніи, которое представляетъ много затрудненій для исторіографа, гораздо больше, чѣмъ въ общемъ архивѣ главнаго штаба, не смотря на то, что тамъ сосредоточены дѣла, касающіяся всѣхъ частей русской арміи, существующихъ и существовавшихъ за сотни лѣтъ, а тутъ находятся дѣла одного полка и то сравнительно, болшею частью, за малый промежутокъ времени. Зависитъ это, конечно, отъ того, что въ общемъ архивѣ главнаго штаба существуетъ извѣстный опредѣленный порядокъ храненія дѣлъ, наблюдаемый, охраняемый и поддерживаемый цѣлымъ штатомъ служащихъ въ немъ, специально для этого туда приставленныхъ. Въ полкахъ же, за массою текущихъ дѣлъ и малымъ количествомъ служебнаго персонала, такого порядка придерживаться трудно. Отсюда слѣдуетъ, что исторіографу нужно самому пересмотрѣть всѣ бумаги и документы полковаго архива. И разъ къ этому приступлено, то командиру полка слѣдуетъ дать исторіографу полную возможность выполнить это безъ помѣхъ ему комисіями, назначаемыми для пересмотра архива и уничтоженія дѣлъ, коимъ, согласно установленныхъ сроковъ ихъ храненія, пришло къ тому время. И самое лучшее было бы, по моему, такую комисію назначить изъ лицъ, которые бы могли помочь исторіографу, настоящему или будущему въ распредѣленіи дѣлъ согласно ихъ историческому значенію, а не изъ тѣхъ, которые лишь буквально исполняютъ извѣстную статью закона, указывающую срокъ храненія. А если дѣла эти вылежали свой срокъ и подлежатъ уничтоженію для освобожденія архива, но почему-либо признаются составителемъ исторіи нужными ему, то не лучше ли ихъ и передать въ его вѣдѣніе, исключивъ, если ужъ такъ нужно, изъ описи.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что желая приступить къ составленію исторіи полка, командиръ полка первый можетъ оказать избран-

ному для того офицеру помощь, избравъ ему и соответственныхъ помощниковъ въ дѣлѣ разбора архива, а стало быть и разбора историческаго матеріала, давъ въ его распоряженіе и писаря.

Теперь о матеріалахъ полковаго архива. Матеріалы эти тѣ же, что и въ общемъ архивѣ главнаго штаба. Слѣдовательно, основательное знакомство съ полковымъ архивомъ и извлечение изъ него всѣхъ нужныхъ свѣдѣній будетъ и основаніемъ и подготовкой для будущихъ работъ въ архивахъ главнаго штаба.

Нечего и говорить о такихъ матеріалахъ, какъ формулярные списки чиновъ полка и мѣсячные рапорты. На нихъ есть ссылки во всѣхъ имѣющихся въ печати полковыхъ исторіяхъ, слѣдовательно, о существованіи ихъ и необходимости въ нихъ заглянуть знаетъ всякій, приступающій къ исторіи. Но что касается вопроса, какъ и по сколько можно извлечь изъ этихъ матеріаловъ полезнаго для исторіи, то онъ рѣшается разнообразно. Одни просматриваютъ эти матеріалы и дѣлаютъ изъ нихъ отрывочныя замѣтки о томъ, что показалось имъ почему-либо занимательнымъ и интереснымъ, другіе рассматриваютъ ихъ болѣе подробно. Я выскажу здѣсь свой личный взглядъ какъ на эти, такъ и на другіе матеріалы полковаго архива и общаго архива главнаго штаба.

По моему мнѣнію, эти и подобные имъ матеріалы могутъ служить для описанія внутренней полковой жизни не въ смыслѣ лишь отрывочнаго ими пользованія, но въ смыслѣ данныхъ постоянныхъ. А такими фактическими данными могутъ быть лишь данныя цифровыя, которыя такъ или иначе даютъ указанные источники. И вотъ почему. Какъ выше сказано, рассказы и воспоминанія современниковъ извѣстнаго періода жизни полка могутъ быть подъ руками составителя исторіи, могутъ и не быть. Наконецъ, будучи результатомъ личныхъ впечатлѣній, они не всегда безошибочны, не всегда безпристрастны. Не то представляетъ намъ цифра. Существовая въ указанныхъ архивахъ, относящихся къ полку источникахъ, она постоянно слѣдуетъ за полкомъ въ каждый моментъ его существованія. Мертвая сама по себѣ каждая въ отдѣльности, при сопоставленіи ея съ другими, цифра весьма краснорѣчиво рассказываетъ намъ жизнь полка шагъ за шагомъ и рассказываетъ при томъ совершенно безпристрастно. Свидѣтельствуя объ одномъ фактѣ, цифра наводитъ на существованіе другихъ, заставляетъ отыскивать причину явленія, а тѣмъ самымъ позволяетъ дѣлать болѣе правильные выводы о ходѣ и развитіи жизни. Наконецъ, при существованіи рассказовъ современниковъ, цифра позволяетъ

ориентироваться между ними и наоборотъ, послѣдніе могутъ служить прекрасной иллюстраціей къ выводамъ изъ цифровыхъ данныхъ.

Отмѣчая по формулярамъ заинтересовавшіе васъ факты, вы расскажете потомъ въ исторіи только единичные факты: «былъ де съ такимъ то (имя рекъ или безъ имени) такой случай въ жизни, занимался онъ усердно литературой, писалъ, читалъ». Все это будетъ относиться къ біографіи одного только, можетъ быть нѣсколькихъ человекъ. Но это не есть еще явленіе общее для полка. А попробуйте перевести эти данныя въ цифры, узнайте, какой процентъ офицеровъ по отношенію ко всему полку занимался такимъ или другимъ дѣломъ, и вы ясно увидите положительное или отрицательное явленіе. Попробуйте отсчитать для извѣстнаго періода, какой процентъ среди офицеровъ преобладалъ, положимъ, по происхожденію, по національности, по воспитанію, по образованію — и у васъ получается благодаря цифрѣ картинка состава офицеровъ и извѣстнаго рода ихъ фотографія. Возьмите другой періодъ, сравните съ первымъ, — получите ясное представленіе объ улучшеніи или ухудшеніи состава, а съ нимъ вмѣстѣ и общемъ духѣ полка, вліяющемъ на другія стороны жизни, о которыхъ вамъ также подскажутъ цифры, взятая изъ другихъ источниковъ. Еще примѣръ. Возьмите среднее производство въ чины, средней срокъ для достиженія извѣстнаго служебнаго положенія — и у васъ является представленіе о положеніи офицера вообще въ извѣстный періодъ жизни полка и т. д. и т. д. Точно тоже нужно сказать и о другихъ источникахъ, дающихъ цифровыя данныя, которыя позволяютъ сдѣлать вѣрное безошибочное заключеніе о состояніи и условіяхъ жизни полка въ данный моментъ, о его состояніи физическомъ, нравственномъ и санитарномъ, о тяжести и легкости службы и пр. и ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.

Исходя изъ такой точки зрѣнія, слѣдуетъ, стало быть, изъ архивныхъ матеріаловъ извлечь всѣ цифровыя данныя, свести ихъ по періодамъ въ данныя среднія для этихъ періодовъ, а изъ этихъ данныхъ, сравнивая ихъ впоследствии между собою, дѣлать общіе выводы о внутренней жизни полка, какъ за отдѣльный періодъ, такъ сравнительно за разные.

Полковая жизнь во всѣхъ своихъ проявленіяхъ представляетъ сумму множества отдѣльныхъ фактовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою долю значенія въ общемъ ходѣ жизни. Факты эти настолько переплетаются между собою, что нѣтъ рѣшительно ника-

кой возможности, не нарушая цѣльности разсказа, описывать ихъ въ общемъ хронологическомъ порядкѣ. Приходится, слѣдовательно, всё проявленія полковой жизни разбить предварительно на нѣсколько главнѣйшихъ группъ и вести матеріалы по каждой отдѣльно. Группы эти слѣдующія:

I. Организация полка. Сюда входят: штаты полка и ихъ измѣненія. Численность полка, списочная и наличная. Различныя переформированія. Составъ полка по его организации (число баталіоновъ, ротъ, названіе послѣднихъ и т. д.). Вооруженіе, снаряженіе, обмундированіе. Управление полкомъ въ строевомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Размѣщеніе и квартирное расположеніе. Сюда же можетъ войти и указаніе на тѣ высшія единицы, въ составѣ которыхъ полкъ числился: бригада, дивизія, корпусъ, армія.

II. Комплектованіе полка офицерами и нижними чинами по званіямъ. Прибыль и убыль ихъ по разнымъ случаямъ. Контингентъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Подготовительныя учрежденія, дающія этотъ контингентъ. Различныя учебныя заведенія и школы. Составъ по образованію, по національности (племенамъ, губерніямъ), по вѣроисповѣданію, происхожденію, по возрасту.

III. Прохожденіе службы. Срокъ службы. Отпуска. Производство офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Среднее время пребыванія въ чинѣ, срокъ для полученія роты, для производства въ штабъ-офицеры, для полученія баталіона. Содержаніе чиновъ полка. Денежное довольствіе. Окладъ жалованья. Солдатскій приходъ и расходъ. Жалованныя деньги. Различныя вычеты изъ солдатскаго прихода на улучшеніе пищи и на другія надобности, собственныя и казенныя. Продовольствіе. Ротное хозяйство. Вещевое довольствіе. Жалованье офицерамъ и прочіе виды довольствія и пособія. Положеніе семейныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Мѣры къ облегченію.

Хозяйство полка. Данныя о стоимости полка для казны.

IV. Служба и занятія полка.

V. Нравственное состояніе полка. Число подвергавшихся наказаніямъ за разные проступки и преступленія. Преимущественный характеръ проступковъ и мѣры взысканій и наказаній вообще. Постепенное измѣненіе какъ рода проступковъ и преступленій, такъ и взглядовъ на взысканія и наказанія.

VI. Санитарное состояніе полка. Общая заболѣваемость нижнихъ чиновъ вообще и по званіямъ. Характеръ болѣзней и количество людей, ими одержимыхъ. Причины болѣзней. Болѣзни худосочныя, какъ нѣкоторый указатель условій военной службы. Виды болѣзней. Причины болѣзней повѣтренныхъ. Смертность вообще и по званіямъ. Увольненіе по неспособности. Число нижнихъ чиновъ, выслужившихъ въ полку до отставки.

VII. Внутренній бытъ полка. Факты, не вошедшіе въ прочія группы, какъ напримѣръ, бытъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ по свидѣтельству современниковъ. Общественная жизнь офицеровъ. Полковая бібліотека и пр. и пр.

VIII. Внешняя дѣятельность полка. Походы и дѣла противъ непріятеля и значительныя командировки полка и частей его въ условій обычной жизни.

Вышеуказанное распредѣленіе по группамъ сдѣлано мною по той мѣркѣ, какую принялъ и для составленія исторіи полка и исполнилъ въ зависимости отъ времени, имѣвшагося въ моемъ распоряженіи и отъ условій и обстановки, меня окружавшихъ. Мѣрка далеко неполная и далеко не выполненная, почему я и

не рѣшился назвать свой трудъ «Исторіей», а назвалъ его лишь «Опытомъ исторіи полка».

Руководствомъ для созданія такой мѣрки, такого дѣленія по группамъ, послужили мнѣ между прочимъ: 1) Записки военной администраціи *Лобко*. Ихъ, во 1-хъ, оглавленіе, примѣнимое къ програмѣ каждой полковой исторіи; во 2-хъ, указаніе тамъ же на *систему* свода военныхъ постановленій и *оглавленіе* самаго свода. На это обращаю особенное вниманіе исторіографовъ. Имѣя въ рукахъ этотъ ключъ, вы уже не испугаетесь громады дѣлъ, васъ какъ-будто съ перваго раза подавляющей, вы будете только приказывать или просить дать вамъ дѣло за номеромъ такимъ то, именно нужное вамъ дѣло, до котораго вы безъ особаго труда добираетесь по описямъ, сначала общей, потомъ по отдѣламъ, въ одномъ изъ которыхъ найдете и свою часть. Это дѣло четверти часа, по прошествіи которой вы имѣете передъ собою все, что вамъ нужно, если только, конечно, дѣло не находится въ специальной работѣ въ канцеляріи архива. Наконецъ, 2) «Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи въ первое 25-тилѣтіе благополучнаго царствованія Государя Императора Александра Николаевича 1855—1880 и.», составленный при участіи и подъ руководствомъ генералъ-лейтенанта Богдановича генералъ-маіоромъ Максимовскимъ, полковниками Хорошхинымъ и Евреиновымъ. Трудъ этотъ вполне можетъ служить руководствомъ для составленія исторіи полка, для разработки частныхъ детальныхъ полковыхъ подробностей, если взять его распредѣленіе по группамъ за программу исторіи, не говоря уже о томъ, что самъ онъ по себѣ, обнимающая все царствованіе Императора Александра II, полное коренныхъ реформъ, даетъ картину жизни арміи за весь этотъ важный періодъ ея развитія. Остается дать только подробности въ отношеніи развитія и отраженія этихъ реформъ въ жизни каждой отдѣльной части войскъ. Съ этимъ трудомъ также обязательно ознакомиться дома, до поѣздки въ Петербургъ.

Изъ сдѣланнаго выше распредѣленія исторіи полка по группамъ видно, что каждая изъ нихъ можетъ служить предметомъ самостоятельнаго изслѣдованія, что очень можетъ способствовать ускоренію работы, если къ ней привлечь нѣсколько человекъ. Но, кромѣ того, полезно каждую группу разсматривать по извѣстнымъ періодамъ, за предѣльными грани которыхъ могутъ быть взяты событія, имѣющія для полка какое-либо важное значеніе. А въ

общемъ, для связи съ общей исторіей и для того, чтобы имѣть возможность прослѣдить за постепеннымъ развитіемъ жизни полка по короткимъ срокамъ, можно разсматривать эту жизнь по десятилѣтіямъ столѣтія. Каждое десятилѣтіе отличается какой-нибудь особенностью, имѣетъ свой особый отпечатокъ и въ общей жизни, а конечно и въ военной. Не даромъ говорятъ: «люди 40-хъ годовъ», «явленіе 60-хъ годовъ», подразумѣвая подъ этимъ свое определенное значеніе, отбѣняя извѣстный колоритъ жизни. Распредѣляя подобнымъ же образомъ и явленія полковой жизни, мы подведемъ ихъ подъ общія понятія. Была бы, можетъ быть, жизнь еще наглядиѣе, если бы разсматривать ее даже по пятилѣтіямъ, въ особенности во второй половинѣ прошлаго столѣтія, такъ какъ жизнь съ конца 50-хъ годовъ пошла впередъ большими скачками.

А отсюда будетъ понятно, что работу въ полковомъ архивѣ можно начать съ любого момента, независимо отъ времени, съ котораго хранятся тамъ матеріалы. Каждый періодъ времени можетъ быть предметомъ совершенно самостоятельнаго изслѣдованія. И пожалуй даже лучше будетъ изслѣдовать сначала ближайшій періодъ: матеріалы полнѣе, жизнь понятнѣе, да и самое изслѣдованіе пожалуй явится не лишеннымъ интереса и значенія для уясненія фактовъ и явленій современной жизни при сравненіи выводовъ, положимъ, послѣдняго 10-тилѣтія съ выводами предпослѣдняго и т. д.

Основаніемъ архивной работы, конечно, должны быть мѣсячные рапорты и формулярные списки, такъ какъ въ нихъ шагъ за шагомъ отпечатывается вся жизнь полка и его личнаго состава. Въ нихъ драгоценны для историка каждое свѣдѣніе, каждая вѣдомость. Ничего изъ нихъ не должно быть упущено. Дополненіемъ, а иногда и иллюстраціей къ нимъ служатъ остальные матеріалы. Прекраснымъ источникомъ служить и журналъ важнѣйшихъ событій за каждый годъ, теперь, къ сожалѣнію, уже не ведущійся. Кромѣ дѣлъ полкового архива, хранящихся при канцеляріи полка, есть и другія въ полку мѣста храненія, которыя какъ-то, въ большинствѣ, упускаются изъ виду: архивъ пріемнаго покоя и дѣла духовнаго вѣдомства.

Выше было упомянуто, что формулярные списки чиновъ полка служатъ основаніемъ для отысканія матеріаловъ по описанію тѣхъ походовъ и сраженій, въ которыхъ полкъ участвовалъ. Немалымъ подспорьемъ затѣмъ по тому же предмету послужить и *хронологія русской военной исторіи* (хронологическій указатель *войнъ,*

сраженій и дѣлъ, въ которыхъ участвовали русскія войска отъ Петра Великаго до новѣйшаго времени), составленная А. Лацинскимъ и отпечатанная въ приложеніи къ «Военному Сборнику» за 1891 г., №№ 2—9. Нужно указать также на важное приложеніе къ «Военному Сборнику» 1890 г., №№ 6—12: «*Настольный хронологическій указатель постановленій*, относящихся до устройства военно-сухопутныхъ силъ Россіи съ 1550—1890 гг.

Изъ всего сказаннаго мною о работѣ въ полковомъ архивѣ и вообще въ полку, кажется, теперь достаточно выяснился характеръ работы и далѣе въ архивахъ главнаго штаба. Откуда начинать, по моему безразлично, если имѣется достаточно матеріала изъ полкового архива, а что его достаточно, въ этомъ я вполне увѣренъ. Одна кампанія 1877—1878 гг. даетъ возможность познакомиться и съ архивомъ военно-ученаго комитета и съ общимъ въ Петербургѣ. А въ Петербургъ все равно вѣдь ѣхать нужно; сначала, — явиться кому слѣдуетъ, быть зачисленнымъ въ число прикомандированныхъ и на довольствіе и т. д., словомъ, исполнить всѣ формальности и получить затѣмъ возможность свободно дѣйствовать далѣе. Въ Петербургѣ исторіографъ, какъ ни какъ, но получаетъ извѣстное направленіе, которымъ онъ уже пользуется сообразно собственному плану для исторіи. Поэтому я съ своей стороны совѣтовалъ бы въ теченіе первой же недѣли своего пребыванія въ Петербургѣ ознакомиться со всѣми пунктами, гдѣ ему предстоитъ работать, съ описями и каталогами, съ порядками, существующими въ каждомъ мѣстѣ.

Въ самомъ зданіи главнаго штаба имѣется три пункта, съ которыми нужно ознакомиться: 1) архивъ военно-ученаго комитета; 2) общій архивъ (часть его), и 3) библіотека главнаго штаба. Знакомство съ первымъ не затруднительно. Во второмъ необходимо нужно ознакомиться съ описями, которыя сами по себѣ составляютъ цѣлыя дѣла. Есть, во-1-хъ, общая опись всѣхъ описей, затѣмъ по главнымъ отдѣламъ дѣятельности военнаго министерства. Избравъ одну, по ней далѣе доходите до самаго № дѣла, которое нужно разсмотрѣть. Затѣмъ необходимо справиться, какія дѣла и за какіе года имѣются въ этомъ отдѣленіи общаго архива, какія въ Москвѣ. Знаніе всего этого доставитъ возможность исторіографу распорядиться своимъ временемъ, составить самому маршрутъ движенія работы въ зависимости отъ того, что именно необходимо для данной исторіи. Это условіе для каждой исторіи свое.

Библіотека главнаго штаба даетъ свѣдѣнія по всѣмъ рѣши-

тельно вопросам, рѣшеніе которыхъ когда-либо обнародовано въ законодательномъ порядкѣ. Въ ней, между прочимъ, находятся рѣшительно всѣ вышедшія въ свѣтъ исторіи полковъ. Къ свѣдѣнію историковъ можно прибавить, что, за небольшимъ исключеніемъ, книги бібліотеки отпускаются изъ нея для пользованія ими дома ¹⁾.

Публичная бібліотека, интендантскій музей и пр. другіе архивы, по указанію главнаго штаба, — все это по преимуществу находится въ Петербургѣ, а посему... знакомство съ Петербургомъ сначала предпочтительнѣе знакомства съ архивомъ московскимъ.

Конечно, много есть сокровищъ и въ Москвѣ, но... предѣльный срокъ много мѣшаетъ изысканіямъ.

По поводу этого злополучнаго предѣльнаго срока пребыванія исторіографовъ въ архивахъ, о чемъ такъ много уже говорится, хотѣлось бы и мнѣ вставить свое слово, на основаніи и личнаго своего опыта и логическихъ по этому вопросу размысленій.

Личный мой опытъ заключается въ томъ, что я вошелъ, въ свое время, въ двери архивовъ и другихъ хранилищъ историческихъ матеріаловъ мѣсяцемъ раньше нынѣшнихъ исторіографовъ — 1-го октября и нашелъ, что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ нужно было копаться въ историческихъ матеріалахъ, всѣ обычныя дѣла шли своимъ чередомъ, заведеннымъ порядкомъ. Я никому не мѣшалъ и не требовалъ для своихъ занятій какихъ-либо, внѣ очереди, нарядовъ для моего спеціальнаго пользованія, для моихъ личныхъ историческихъ потребностей. Каждый, кто былъ нуженъ мнѣ, исполнялъ въ то же время свои обязанности и по потребностямъ общимъ, до исторіи полка не касающимся. Отсюда заключеніе: стало быть архивная и иная историческая жизнь начинается (если только она когда нибудь въ опредѣленное время прекращается) значительно раньше того срока, съ котораго начинается дѣятельность полковаго исторіографа. Мѣсяць, по крайней мѣрѣ (съ 1-го октября по 1-е ноября), у меня въ запасѣ и на глазахъ уже есть.

Невольно является вопросъ: почему же полковые исторіографы лишаются возможности поработать лишній мѣсяць, если они въ общемъ ходъ работы архивовъ никому не мѣшаютъ?

Неразрывно съ этимъ является и другой вопросъ: на чемъ

¹⁾ Вслѣдствіе постигшаго бібліотеку въ прошломъ году пожара, существовавшій ранѣе порядокъ выдачи книгъ пока не возстановленъ.

основанъ срокъ командированія полковыхъ исторіографовъ въ архивы главнаго штаба съ 1-го ноября по 1-е мая?

Не говоря уже о томъ, что работы полковыхъ исторіографовъ могутъ продолжаться во все время, когда идутъ работы спеціально архивныя, я бы хотѣлъ выяснитъ еще одно положеніе. Исторія одного полка начинается, положимъ (въ круглыхъ цифрахъ), съ 1600 г., другого съ 1700 г., третьяго съ 1800 г. Казалось бы яснымъ, что работа трехъ человекъ, собирающихъ матеріалы для составленія этихъ трехъ исторій, далеко не одинакова, а между тѣмъ времени для этой работы всѣмъ троимъ дается совершенно одинаковое количество — 6 мѣсяцевъ, — въ дѣйствительности даже меньше; если исключить каникулярное для архивовъ время на Рождествѣ и Пасхѣ, Страстной, масляницѣ, да время на переѣздъ изъ Петербурга въ Москву и обратно, то мы насчитаемъ не больше пяти мѣсяцевъ. При этомъ категорически обусловлено, что каждая часть войскъ имѣетъ право командировать офицера для собиранія матеріаловъ только разъ въ своей жизни. На чемъ же основанъ такой взглядъ? Кажется мы не ошибемся, если предположимъ, что тутъ произошла нѣкоторая недомолвка, зависѣвшая исключительно отъ хозяйственнаго направленія циркуляра главнаго штаба, какъ объ этомъ высказано было уже выше, причемъ собственно главное значеніе такихъ командировокъ было упущено совершенно изъ вида. Казалось бы наоборотъ, прежде всего слѣдовало поставить исторіографа въ положеніе, при которомъ онъ имѣлъ бы возможность выполнить свою задачу. А при этомъ — условія времени не могутъ поддаваться никакимъ расчетамъ. Сошлюсь на г. Мышлаевскаго, который въ своей «Инструкціи» говоритъ: «памятуй, что работа по составленію полковой исторіи есть, какъ бы-то ни было, работа научная, т. е. не подлежащая учету ни счетомъ, ни мѣрою, ни объемомъ, ни на аршины. Не удивляйся, если послѣ командировки офицеръ возвратится съ небольшимъ архивнымъ багажемъ: значить ему было очень трудно работать. Не удивляйся, если онъ доложитъ, что рассчитываетъ окончить работу только послѣ пяти еще дополнительныхъ поѣздокъ». Все это г. Мышлаевскій предлагаетъ вниманію командира полка. Но вѣдь иной командиръ полка на это можетъ возразить: «позвольте, милостивый государь, почему же это вы *мнѣ* изволите трактовать объ этомъ? Я въ этомъ дѣлѣ не компетентенъ. А циркуляръ-то вѣдь, полагаю, составляли люди компетентные, близко стоящіе къ дѣлу. И если они находятъ, что шести мѣсяцевъ совершенно до-

статочно, чтобы собрать весь архивный материал за несколько сотъ лѣтъ, такъ значить у нихъ имѣются на это основательныя данныя. И мой офицеръ, значить, ничего тамъ въ архивахъ не дѣлалъ, коли привезъ очень мало материала. А вы еще совѣтуете мнѣ поставить въ секретной книжечкѣ такому лодарю особенно хорошую атестацию! и предлагаете довѣрять ему больше, чѣмъ людямъ болѣе его знающимъ дѣло! Извините, можетъ быть и вы человекъ компетентный и знающій, да вѣдь циркуляръ-то—распоряженіе официальное, которое я волей-неволей, а обязанъ принимать къ свѣдѣнію и руководству».

Выходитъ, стало быть, недоразумѣніе, исходящее изъ официального источника, стало быть, и разъясненія его надо ожидать изъ такого же официального источника, чего нельзя не пожелать для пользы дѣла въ возможно скоромъ времени.

Въ заключеніе хотѣлось бы мнѣ высказать нѣсколько мыслей по вопросу объ облегченіи трудовъ полковыхъ исторіографовъ, настоящихъ и будущихъ, въ ихъ архивныхъ изслѣдованіяхъ.

Общезвѣстный фактъ, что полкъ и другія отдѣльныя части войскъ въ бывшее время часто мѣняли квартиры. Во многихъ случаяхъ имъ невозможно было брать съ собой въ походъ всѣ свои дѣла. И часто очень важные документы и дѣла полки сдавали на храненіе въ различныя присутственныя мѣста, военного и гражданскаго вѣдомства, находившіяся въ оставляемыхъ ими пунктахъ квартированія. Дѣла эти, въ большинствѣ случаевъ, можно считать несуществующими. Они или погибли или погибаютъ въ безвѣстности и безслѣдно, вслѣдствіе небрежнаго храненія или просто незнанія тѣхъ лицъ, въ вѣдѣніи которыхъ они хранятся, о томъ, что именно у нихъ хранится. На запросъ полковъ о своихъ дѣлахъ нерѣдко получается отвѣтъ: «во время бывшего пожара всѣ дѣла сгорѣли». Можетъ быть это и вѣрно, а можетъ быть и простая отписка, судить издалека трудно. Ни въ томъ, ни въ другомъ ничего удивительнаго нѣтъ. Дѣла хранятся во многихъ мѣстахъ на чердакахъ, сваленныя въ общую кучу. Можетъ быть, гдѣ нибудь, въ чистомъ мѣстѣ, имѣются и описи тѣхъ дѣлъ, которыя сданы на храненіе, да поди-вотъ, выбери теперь самыя-то дѣла изъ общей кучи, въ которой и не разберешь, какія дѣла куда относятся. А есть вѣдь въ такихъ углахъ и бумаги общегосударственной важности, военно и обще-историческаго значенія. Одинъ изъ полковыхъ исторіографовъ рассказывалъ мнѣ, что еще до поѣздки своей въ Петербургъ онъ побы-

валъ въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ, хранились дѣла полка. Разбираясь на чердакахъ въ сваленныхъ безъ всякаго порядка дѣлахъ, онъ наткнулся, между прочимъ, на указы Екатерины II за ея подписью, мѣсто которымъ было бы въ государственномъ архивѣ.

Не могу по этому поводу не вспомнить недавнее чествованіе памяти Императора Александра III въ «Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія», основанномъ именно «въ Его память», какъ двигателя этого просвѣщенія. Я до сихъ поръ не имѣлъ, къ сожалѣнію, возможности подробно ознакомиться съ программой и съ самыми дѣйствіями «Общества». Но мнѣ казалось и кажется до сихъ поръ, что «Общество» могло бы оказать незамѣнимую услугу нашей отечественной исторіи сохраненіемъ и поддержаніемъ нашихъ архивныхъ документовъ, разбросанныхъ по всему лицу земли русской, касается ли это гражданской или военной дѣятельности.

Но пока что, а я бы думалъ, что и наши полковые исторіографы могли бы сослужить на этомъ поприщѣ не малую службу. Волею судебъ они разбросаны по всѣмъ и густо, и слабо, и малонаселеннымъ пунктамъ Имперіи, въ которыхъ, или вблизи которыхъ, находятся клады нашей исторической древности. Мнѣ кажется, что очень мало стоитъ привести всѣ эти клады въ извѣстность хотя бы на первый разъ только по наружности, поверхностно. Дальнѣйшее будетъ видно потомъ, а пока желательно было бы знать, что и гдѣ есть. Опубликованіе этихъ свѣдѣній гдѣ-либо въ одномъ журналѣ, мнѣ кажется, сразу дастъ большое освѣщеніе нашихъ, пока темныхъ, историческихъ уголковъ.

И помимо этого, мнѣ кажется, исторіографы могли бы дѣлиться между собою имѣющимися у нихъ подъ руками свѣдѣніями при помощи печати, открывъ себѣ гдѣ-либо уголокъ въ видѣ справочнаго отдѣла. И думается мнѣ, что редакція «Военнаго Сборника» и «Русскаго Инвалида» не откажетъ дать на страницахъ своихъ изданій соотвѣтственное для этого мѣсто ¹⁾.

А. Луганинъ.

¹⁾ Редакцію это, по мѣрѣ возможности, и дѣлается.